

Методология и методы социологического исследования

© 2024 г.

Ц. ЦЗИНЬ, Ю.В. ВЕСЕЛОВ, Н.Г. СКВОРЦОВ

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОВЕРИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ)

ЦЗИНЬ Цзюнькай – кандидат социологических наук, доцент, Университет Шаньси, Тайюань, Китай (jjk@sxu.edu.cn); ВЕСЕЛОВ Юрий Витальевич – доктор социологических наук, профессор (y.veselov@spbu.ru); СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии (n.skvortsov@spbu.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Рассматриваются методологические вопросы измерения доверия. Для адекватного сравнения уровня доверия в различных странах предлагается не один показатель, а набор показателей: генерализированное доверие; партикуляризированное доверие; радиус доверия; институциональное доверие. Выявлены особенности измерения генерализированного и институционального доверия в Китае и России. На основе данных World Values Survey проводится сравнительный анализ показателей доверия в РФ и КНР; также в статье представлены данные собственного эмпирического исследования доверия (телефонный опрос населения Санкт-Петербурга и области; интернет-исследование доверия, глубинные интервью жителей РФ и КНР). Для объяснения процессов трансформации доверия в РФ и КНР в XX столетии используется модернизационный подход и выявляется значение формирования культуры доверия.

Ключевые слова: доверие • социальное доверие • измерение доверия • генерализированное и партикуляризированное доверие • институциональное доверие • культура доверия

DOI: 10.31857/S0132162524040013

Введение. Э. Дюркгейм подчеркивал, что всякая социология есть сравнительная социология, когда она переходит от описательного метода к аналитическому [Дюркгейм, 1995: 139]. А вот о сравнительной социологии доверия еще недавно велись дискуссии: возможна ли она, и если возможна, то в каком виде, и на какие показатели опирается [Кертман, 2006; Рукавишников, 2008; Латов, 2010]. Когда стали регулярно проводить массовые сравнительные эмпирические исследования доверия, оказалось, что многие гипотетические предположения далеки от реальности. Например, Ф. Фукуяма по уровню доверия делил страны мира на три группы: 1) либеральные демократии (США, Германия, Япония), отличающиеся высокой степенью социальной ассоциативности (способность добровольно вступать или создавать социальные объединения для достижения поставленной цели) и высочайшим уровнем доверия; 2) Китай, Франция, Италия, характеризующиеся высоким уровнем доверия семейного типа («familistic trust»), но низким уровнем доверия институтам; 3) страны Восточной Европы и Россия, посткоммунистические

«атомизированные общества», неспособные создавать социальные ассоциации, с самым низким уровнем социального капитала и культуры доверия [Fukuyama, 1995]. При этом Фукуяма подчеркивает зависимость высокого уровня доверия от политической демократии [Fukuyama, 2001: 7–20], такой же точки зрения придерживались Р. Патнэм [Putnam, Leonardi, 1996], Э. Усланер [Uslaner, 2002; 2009] и др. Сравнительные эмпирические исследования доверия в разных странах, проведенные позднее, показали ошибочность этой концепции. Оказалось, что наивысшим уровнем доверия обладают Китай и скандинавские страны; а США, Германия и Япония входят в группу стран со средним уровнем доверия, и Россия не так далеко от них отстала; самым низким уровнем доверия отличаются латиноамериканские страны, никакого отношения к «атомизированным» посткоммунистическим обществам не имевшие, некоторые из них характеризуются высоким уровнем политической демократии.

Обычно при сравнительном анализе применяется показатель генерализированного доверия. Тогда данные однозначно свидетельствуют, что Китай – страна с высочайшим уровнем доверия, а Россия – страна относительно низкого доверия (63,5 против 22,8% в 2018 г.). Далее мы проиллюстрируем, что показатель генерализированного доверия не полностью отражает реальную ситуацию и что когда для сравнения используется набор показателей доверия, общая картина выглядит не так однозначно.

Методологический инструментарий сравнительного социологического исследования доверия: классификация и операционализация. В социологической теории доверия выделяют несколько его типов: доверие между людьми – «межличностное доверие»; доверие людей социальным, экономическим и политическим институтам – «институциональное доверие»; доверие системам – «системное доверие» (например, техническим цифровым системам – «цифровое доверие»). Межличностное доверие в свою очередь подразделяется на несколько видов: генерализированное доверие – доверие другим людям вообще; партикуляризированное доверие – доверие людям, кого индивид знает лично; доверие «чужакам». «Радиус доверия» – композитный показатель, соединяющий в себе элементы как партикуляризированного доверия, так и генерализированного доверия. Он раскрывает, насколько широко индивид включает в свой круг доверия других людей. Сначала это члены семьи, потом родственники, затем друзья, знакомые, соседи, коллеги (все лично известные индивиду люди). Потом добавляются фигуры «обобщенного другого» – «лица другой религии»; «лица другой национальности», и, наконец, совсем незнакомые люди – «чужаки», те, кого индивид встречает впервые и ничего о них не знает. Радиус доверия связан не с уровнем, а с масштабом доверия [Ну, 2017].

Для измерения типов и видов доверия используются процедуры операционализации. Именно с этим связаны основные проблемы в сравнительном анализе доверия. Генерализированное доверие операционализируется в вопросе: «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми» (например, см. WVS, World Value Survey, Q57; в отечественной социологии используется примерно такой же вопрос). Кстати, эту процедуру операционализации предложили всего лишь для измерения доверия студентов к своему социальному окружению, но потом она постепенно стала общепризнанной [Нюзль-Нойман, 1978]. И теперь нельзя от нее отказаться, так как потеряется возможность сравнения с предыдущими данными. Вместе с тем в литературе обсуждается адекватность такого измерения генерализированного доверия [Ромашкина и др., 2018; Delhey et al., 2011]. Во-первых, кто это такие «большинство людей»? Лично знакомые или только незнакомые люди? Или и те и другие? Во-вторых, в качестве противоположности доверию предлагается осторожность, хотя в действительности можно одновременно доверять другим людям и быть осторожным. Непонятно, почему надо полностью объяснять респондентам ответы, а не просто предложить варианты «да» и «нет» («minimally balanced wording»). В-третьих, неясно, почему используется дихотомическая шкала измерения (доверяете или нет), а не стандартная шкала Ликерта. В нашем эмпирическом исследовании доверия мы

попробовали измерить уровень генерализированного доверия в Санкт-Петербурге двумя способами: по методике WVS (дихотомическая шкала) он составляет 25,7%; а если задать вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и распределить ответы по шкале Ликерта, картина совершенно другая – 16,2% респондентов однозначно утвердительно отвечают на этот вопрос, а 45,1% считают, что можно доверять, но только частично¹. Некоторые исследователи утверждают, что дихотомическую шкалу в сравнительных исследованиях доверия, особенно в отношении России, следует применять с большой осторожностью [Рыжова, 2019].

Повышение количества вариантов ответа – не только шкала Ликерта, но 7- или 11-балльная шкала, – дают большую валидность измерения, поскольку предоставляют возможность респонденту выразить нюансы своего отношения к доверию/недоверию [Lundmark S. et al., 2016]. Поэтому некоторые организации, специализирующиеся на исследовании доверия, например, Edelman Trust Barometer, для расчета уровней доверия используют оценку по девятибалльной шкале. Однако есть и те, кто продолжают защищать традиционный способ измерения генерализированного доверия [Uslaner, 2012]. И все же, на наш взгляд, главная проблема в методике измерения доверия связана с тем, что, строго говоря, все процедуры операционализации доверия позволяют измерить не реальный его уровень, а мнение людей о доверии. Поэтому в научной литературе все больше предлагается методов для кросс-ситуационного исследования доверия, то есть когда для респондента моделируются конкретные ситуации и предлагаются варианты ответа [Bauer, Freitag, 2018]. Мы такой метод тоже использовали в своих эмпирических исследованиях доверия в 1999 г. Стандартный вопрос о генерализированном доверии абстрагирован от конкретной ситуации, поэтому он скорее измеряет доверие как общую ценность (или ценностную установку), а не поведенческое доверие, что подтверждается в исследовании Бауэра об отсутствии связи предыдущего негативного опыта виктимизации с ответом на вопрос о генерализированном доверии [Bauer, 2015]. Итак, для измерения генерализированного доверия необходимо сочетание количественных и качественных методов; построение моделей проективных ситуаций, в которых респонденты могли бы выбрать тот или иной способ действия, показывающий их реальную ориентацию на доверие/недоверие в конкретных условиях.

Партикуляризированное доверие измеряется через следующие показатели: доверие членам семьи; доверие соседям; доверие людям, которых вы знаете лично; доверие друзьям или знакомым; доверие коллегам по работе, службе или учебе; доверие людям, которых вы встречаете впервые; доверие людям другой религии; доверие людям другой национальности и т.д. Радиус доверия определяет, насколько широк круг тех, кому доверяет индивид – это только семья и друзья, или еще коллеги, или даже даже незнакомые люди? Некоторые ученые предлагают специальные индексы измерения радиуса доверия. Интересно, что если наивысший уровень доверия демонстрируют скандинавские страны, то наибольший радиус – Швейцария, Италия, Словения [Delhey et al., 2011]. Измерять радиус доверия возможно более простым методом: объединить показатели доверия людям, которых вы встречаете впервые; доверия людям другой религии; доверия людям другой национальности, что вместе называется «out-group trust» («внешнее доверие») [Delhey et al., 2011: 800]. С нашей точки зрения, есть некоторая опасность смешения понятий доверия в такой концепции радиуса доверия, на это указал проф. Магдебургского университета Экхард Дитрих (Eckhard Dittrich) в критике работ Хайко Шрадера [Schrader, 2004]. Радиус доверия лишь показывает широту охвата доверительными отношениями представителей разных социальных групп, но он ни в коем случае не объясняет природу трансформации доверия. То есть партикуляризированное доверие просто так

¹ Телефонный опрос населения Санкт-Петербурга (N = 1 032, 2020 г.), выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам, опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ.

не расширяется и не переходит эволюционно в генерализованное доверие, для первого характерны традиционные отношения в крестьянском обществе, где доверие строится только на личностных, персонализированных отношениях; второе, в том числе доверие людям, которые встречаются впервые, характерно для обществ индустриального типа, с высоким уровнем урбанизации, в которых персонализированные отношения переходят в институциональные, функциональные и ролевые. В этом смысле радиус доверия соединяет в себе два разных по своей природе типа доверия.

Институциональное доверие измеряется через показатели доверия правительству, парламенту, политическим партиям, церкви, вооруженным силам, полиции, судебной системе, профсоюзам, университетам и другим институтам.

Сравнительные данные: доверие в России и Китае. 1. Генерализованное доверие. Согласно исследованию WVS (что является единственным корректным источником данных для сравнения, поскольку используется одна и та же методика опроса), уровень генерализованного доверия в России составляет 22,8% в 2018 г.,² что подтверждается данными российских исследователей (И. Мерсиянова³ и др.) и нашими собственными данными. В Санкт-Петербурге уровень генерализованного доверия (по методике WVS, дихотомическая шкала) составляет 25,7% – как правило, в крупных российских городах уровень генерализованного доверия всегда выше. Россия по показателю генерализованного доверия не сильно отличается от соседних стран Восточной Европы: Польша – 24,1%; Чехия – 21,1%; Словакия – 21,4%; Болгария – 17,1%; Венгрия – 27,2%; Сербия – 16,3%; Словения – 25,3%.⁴

В Китае в 2018 г. уровень генерализованного доверия по данным WVS составляет 63,5%, что позволяет отнести Китай к странам с самым высоким уровнем доверия. Такой же примерно уровень генерализованного доверия у скандинавских стран, но Китай вряд ли можно включить с ними в одну группу. Соседи Китая демонстрируют очень средний уровень генерализованного доверия: Япония – 33,7%; Южная Корея – 32,9%; Сингапур – 34,4%; Вьетнам – 27,7%. По логике, Китай скорее должен входить в эту группу стран, но данные свидетельствуют о другом. В самом Китае уровень генерализованного доверия ежегодно исследует China General Social Survey (CGSS), там используется практически тот же вопрос, что и в WVS, однако для ответов дается не дихотомическая, а 5-балльная шкала, где 1 – «совершенно не согласен», а 5 – «полностью согласен». Для выявления оценки уровня доверия населением Китая используется 10-балльная шкала, в 2015 г. эта оценка по 10-балльной шкале составляла 5,5 [Горшков, 2018: 398]. Мы задавали подобный вопрос жителям Санкт-Петербурга: «По-вашему, насколько россияне доверяют друг другу?»: 1,2% респондентов ответили «полностью доверяют», 40,4% – «частично доверяют»⁵; ВЦИОМ в 2023 г. также задавал вопрос о доверии россиян друг другу, 48% респондентов с разной степенью определенности ответили утвердительно⁶.

2. Партикуляризированное доверие. Для сравнения мы рассматривали такие показатели, как доверие в семье; доверие людям, которых респондент знает лично; доверие соседям. Все ответы распределяются по шкале Ликерта. В Китае доверие в семье, если брать только ответ «доверяю полностью», составляет 85% (2018 г.), в России – 86,7%. Если

² World Values Survey. (2017–2020). World Values Survey. Wave 7. Q57. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

³ Мерсиянова И.В. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 21 мая. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/2fa/01_izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

⁴ World Values Survey. (2017–2020) World Values Survey. Wave 7. Q57. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp>. (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ Интернет-исследование, 2021 г., Санкт-Петербург и Ленинградская область (N=505), опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ.

⁶ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net>

добавить ответ «доверяю частично», то результаты таковы: Китай – 99,1%; Россия – 97,7%. Доверие знакомым людям, если брать только ответ «доверяю полностью», составляет в Китае 13,9% (2018 г.), в России – 23,4%; совокупно с «доверяю частично» – в Китае 87,9%, в России 78,9%. Доверие соседям соответственно в Китае 15,7 (83,6)%; в России – 18,6 (69,4)%⁷. Очевидно, нет никакого особого китайского «фамилизма» в доверии (о чем говорил Фукуяма), как нет и существенного отставания России от Китая. Китайские социологи также измеряют партикуляризированное доверие другим лицам, таким как друзья и коллеги. Доверие друзьям (2015 г.) составляет 84,4%, доверие коллегам – 73,9% [Горшков, 2018: 390]. По данным С.В. Рыжовой, в России доверие друзьям составляет 91,1%, доверие коллегам – 70,8% [Рыжова, 2019: 21]. Эти данные свидетельствуют, что уровень партикуляризированного доверия в Китае и России высокий, но, что важнее, – не только за счет доверия исключительно в рамках семейных и родственных отношений.

3. Радиус доверия. Для косвенной оценки радиуса доверия мы использовали два показателя, измеряемых WVS, – доверие «людям, которых респондент встречает впервые» (так называемое доверие «чужакам»), и доверие «людям другой национальности» (предполагается, что респондент их лично не знает). Уровень доверия «людям другой национальности» в Китае – 16,6%, в России – 37,7%. Доверие «чужакам» по сумме ответов «доверяю полностью» и «доверяю частично», составляет в Китае 13,4%, в России – 21,6%. Эти показатели существенно ниже, чем, например, в Скандинавских странах: Норвегия – 67,6%; Швеция – 73,9%; Финляндия – 60,1%⁸. Таким образом, радиус доверия в Китае не такой широкий, как в других странах, то есть уровень доверия высокий, но широта охвата доверием разных групп незначительная; доверяем «своим», но не доверяем «чужим».

4. Институциональное доверие. Для сравнения институционального доверия мы использовали следующие показатели WVS: доверие правительству страны; доверие парламенту; доверие церкви; доверие вооруженным силам; доверие полиции; доверие судебной системе (все ответы расположены по шкале Ликерта). Доверие правительству: в Китае в 2018 г. – 94,6% (очень высокий уровень в международных сравнениях), в России – 50,7% (соответствует уровню доверия правительству в скандинавских странах). Доверие армии: в Китае – 91,5%, в России – 80,4%. Доверие полиции: в Китае – 81,8%, в России – 54,5%. Доверие судебной системе: в Китае 81,4%, в России – 48,9%⁹. По всем институтам институциональное доверие в Китае значительно выше, чем в России и в европейских странах. Но уровень институционального доверия в России такой же, как в большинстве европейских стран (что опровергает мнения тех, кто предполагал, что в России самый низкий уровень институционального доверия).

Дискуссия. Когда мы используем в сравнительных исследованиях комплексно несколько показателей доверия вместо одного, то картина общего доверия более адекватна реальности. Действительно, уровень генерализованного доверия в Китае существенно выше, чем в России. Но при этом радиус доверия существенно меньше. В этом парадокс доверия в Китае – обычно высокий уровень генерализованного доверия означает высокий уровень доверия незнакомцам, но для Китая ситуация совершенно другая. Внешнее доверие («out-group trust») существенно ниже, чем внутреннее («in-group trust»). Партикуляризированное доверие в Китае и России примерно одинаковое, по крайней мере, мы не видим какого-либо особого «фамилистического доверия» в Китае [Knack, Keefer, 1997]. Уровень институционального доверия в Китае существенно выше, чем в России, и, видимо, он связан с высоким уровнем генерализованного доверия. Теперь попробуем объяснить, почему так получается.

⁷ World Values Survey. (2017–2020). World Values Survey. Wave 7. Q58,59,60. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

⁸ World Values Survey. (2017–2020). World Values Survey. Wave 7. Q61, 62, 63. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

⁹ Все данные World Values Survey. (2017–2020). Q 64, 65, 69, 70, 71,73. Wave 7. Q. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

Есть несколько дискуссионных точек зрения, объясняющих парадокс доверия в Китае. Э. Усланер в беседе с нами на конференции в Санкт-Петербурге объяснял этот парадокс тем, что китайцы совершенно специфическим образом понимают вопрос о генерализованном доверии: в качестве «большинства людей», которым можно доверять, они понимают лично знакомых им людей, а если не лично, то всегда можно найти знакомых своих знакомых и таким образом персонализировать отношения доверия. В этом плане наличие социальных сетей в Китае (关系«guanxi») является самым важным для формирования доверия. Тогда получается, что для китайцев вопрос о генерализованном доверии лишь отражает высокий уровень внутригруппового доверия. «Большинство людей» в Китае трактуется как нечто среднее, находящееся между патрикуляризированным и генерализованным доверием [Li, Liang, 2002]. Поэтому предлагается генерализованное доверие измерять только вместе с радиусом доверия [Delhey et al., 2011: 789]. Иногда эта позиция соединяется с концепцией модернизации доверия: в Китае до недавнего времени был невысокий уровень урбанизации (в 1950 г. – 11%; 2000 г. – 35%; 2020 г. – 64%), а для сельских жителей в большей степени характерно обращение к локализованному доверию (например, чтобы занять деньги, житель китайской деревни обращается не в банк, а к родственнику или соседу); поэтому уровень доверия для сельских жителей несколько выше, чем для городских (а среди них для возрастной группы старше 60 лет – самый высокий) [Yang, Zeng, 2016]. Совершенно не так в России – здесь доверие городских жителей выше, чем сельских, а пенсионеры, согласно нашим исследованиям, имеют самый низкий уровень генерализованного доверия. В итоге, многие считают, что стандартный вопрос о генерализованном доверии вообще не релевантен в Китае.

Однако проведенные недавно экономистами и психологами кросс-культурные исследования, в которых моделируется ситуация доверия, показывают, что китайцы действительно имеют высокий уровень доверия по сравнению с представителями других стран [Ozono, 2018]. Значит, вопрос о доверии «большинству людей» работает, и очень странно было бы, если бы для всех стран этот вопрос адекватно отражал ситуацию, а только для Китая – нет. Мы согласны с тем, что одного этого показателя недостаточно, что необходимо дополнять его показателями радиуса доверия. Но и отрицать его полностью вряд ли правильно. Мы специально в серии глубинных интервью спрашивали китайцев и русских, как они понимают и интерпретируют вопрос о доверии «большинству людей», и получили практически одинаковые результаты. Если предположить, что для Китая характерно персонализированное доверие только лично знакомым людям, которое весьма характерно для традиционных крестьянских обществ, тогда совершенно невозможен был бы высокий уровень институционального доверия, а он в Китае высок для всех институтов. Региональные исследования показывают, что уровень генерализованного доверия тесно связан в Китае с уровнем институционального доверия [Steinhardt, 2018]. Проведено также специальное сравнительное исследование с группами китайских и японских студентов, где выявляется ориентация респондентов на длинные социальные сети («знакомые знакомых», «друзья друзей», «друзья третьего порядка») в их ответе на вопрос «можно ли доверять большинству», и никакого различия между китайскими и японскими студентами не выявлено [Ozono, 2018]. Итак, надо признать, что измерение генерализованного доверия в Китае посредством стандартных методов можно считать относительно надежным, при этом важным является дополнение такого измерения показателями радиуса доверия.

В российской литературе специфику доверия в Китае объясняют различием Востока и Запада: для западных стран характерно рационализированное доверие, «доверие на договоре», подкрепляемое работающими институтами; для Китая характерно доверие, основанное на чувстве, на вере в опору на традиционные ценности, доверие здесь соединяется с порядком и гармонией [Иванов, Данилов, 2014]. Такая позиция также разделяет традиционное доверие (характерное для восточных стран) и современное (присущее западным странам). Однако эмпирические исследования показывают, что процессы модернизации (например, урбанизации) активно влияют на характер и природу доверия:

в более модернизированных городских пространствах в Китае уровень внешнего доверия выше, чем в других районах. При этом увеличение генерализованного доверия происходит не за счет увеличения партикуляризированного доверия (расширения круга доверия от родственников и знакомых до незнакомых людей), а основывается на эффекте нахождения в более модернизированном социальном окружении. Тогда как объяснить высокий уровень генерализованного и институционального доверия в Китае в отличие от России и других стран?

Мы считаем, что доверие в обществе – глубоко укорененный в социально-экономической и культурной среде феномен. Все общества в процессе исторической модернизации проходят примерно одинаковые стадии трансформации доверия – от личностного, персонифицированного, этноцентричного доверия в крестьянских общинах (где абсолютно доверяют только своим и не доверяют чужим) до безличного, генерализованного, ролевого, функционального, институционального доверия в городских индустриальных обществах. Но конкретный исторический путь этой трансформации у всех обществ разный. Поэтому представляется необходимым использовать в нашей аргументации понятие «культура доверия». Это «особая система правил и норм формирования и изменения отношений доверия и недоверия, их критериев, специфических оснований и детерминант» [Купрейченко, Мерсиянова, 2013]. Нам представляется, что важно обратиться к экономическим основаниям культуры доверия. Китай в отличие от России и западных стран – культура риса. Эта культура дает высокий урожай, но требует больших затрат труда. Особенно для подвода воды по каналам, поддерживать систему которых под силу только коллективу людей. Мало того, в период сбора урожая рис, в отличие от пшеницы, предполагает коллективную взаимопомощь крестьянских семей. Одна крестьянская семья без помощи соседей не может быстро справиться с этим, поэтому и сажают рис соседи в одной деревне в разные дни, чтобы убрать поле можно было сообща. Однако не коллективизм как таковой, а именно взаимопомощь родственников и соседей (реципрокность) является основой доверительных отношений в крестьянских сообществах в Китае. Есть исследования, которые показывают, что в регионах Китая, где выращивают пшеницу, ментальность другая и уровень социальной взаимопомощи ниже, чем в регионах, где выращивают рис [Talhelm et al., 2014].

Ни в России, ни в западных странах, таких экономических условий для формирования высокого уровня доверия не было, несмотря на существование крестьянской общины в средневековой Европе и крестьянской общины, «мира», в России. Наоборот, в Европе культивировались растения, которые как раз предполагали не общинное, а индивидуальное хозяйство: оливки и виноград как многолетние культуры требуют кропотливого труда одной семьи на конкретном участке в течение многих лет. Перераспределение земли теперь уже экономически невозможно. В России нет ни оливок, ни винограда, но господствовавшая культура пшеницы (ржи) давала возможность одной крестьянской семье самостоятельно обрабатывать поле без помощи соседей, общинными оставались лишь выпасы для скота. Именно эти экономические условия сформировали различие в уровне доверия в средневековых китайских и российских крестьянских сообществах.

Большое различие в доверии в России и Китае формировалось исходя из различной этики. В конфуцианстве доверие (信 «xìn») одна из пяти главных добродетелей, она и в отношениях в семье, и в отношении правителя и подданных, и в отношении между людьми. Важно, что добродетель доверия по своей природе социальна, она не направлена на высшие силы, а регулирует отношения между людьми. Иероглиф «xìn» буквально означает «человек» и «говорит», т.е. тот, кто отвечает за свои слова. Поэтому с точки зрения китайцев правильно доверять людям. «Правильно» означает, что есть общее для всех правило доверия, и не вполне нормально, если человек всегда подозрителен. Доверие как искренность и открытость составляет правило культурного общения среди китайцев. Поэтому ценность доверия воспринимается безусловно и генерализовано, что хорошо соответствует вопросу «можно ли большинству доверять». В русской православной

традиции главная добродетель – вера в Бога, это святое, а доверие людям – профаническое, мирское дело, менее важное, чем духовное. Поэтому и доверие как моральная ценность в русской культуре не так высоко котируется, как вера и верность. В протестантизме доверие превращается в одну из важных добродетелей и поднимается до уровня веры, поэтому многие исследователи отмечают в эмпирических кросс-культурных исследованиях, что в целом уровень генерализованного доверия выше в протестантских странах, чем в католических и православных. Воспитание ребенка в семье начинается с обучения правилам социализации, поэтому нам представляется важным исследование М. Сасаки, который изучал, как родители в разных странах учат детей доверию/недоверию [Sasaki, 2013].

XX в., век ускоренной социалистической модернизации для России и Китая, меняет – хоть по-разному, но существенным образом, – отношения доверия. В СССР сталинская коллективизация и индустриализация разрушает ткань крестьянского общества, и традиционное персонализированное доверие, попадая в городскую среду, трансформируется в тоталитарное доверие власти. В это же время формируется атмосфера всеобщего доносительства и недоверия, но и ей не удается пробить брешь в доверии в рамках семьи. Наши респонденты в серии глубинных интервью отмечают влияние репрессий 1930-х гг. на создание общей культуры недоверия как людей друг другу, так и граждан своему государству, многие говорят, что недоверие и страх «генетически» передаются из поколения в поколение. В Китае умеренность и постепенность перехода к рыночным реформам в 1970-е и 1980-е гг. сумели предотвратить падение доверия к государству и его институтам, в России же мы видели в 1990-е гг. драматическое снижение генерализованного и институционального доверия. Небольшие изменения в лучшую сторону были заметны с 2000 г., но с 2008 г. опять падения доверия не удалось избежать. Вот таким сложным образом формировалась в Китае и России культура доверия/недоверия, которая влияет и на отношения доверия в этих странах сегодня. Когда мы восхищаемся экономическими успехами Китая в новейшей истории, надо помнить, что в определенной степени они основываются на высоком уровне генерализованного, партикуляризированного и институционального доверия (поскольку чем выше доверие, тем ниже транзакционные издержки). Но складывалась культура доверия в Китае не вчера, а за последнюю тысячу лет. Когда мы сожалеем о низком уровне доверия в России, мы должны понимать, что наша культура доверия другая, она определена нашей историей и географией, нашим культурным наследием, при всем желании ее не переделать быстро. Тем не менее пример Китая для нас весьма показателен.

Заключение. Несмотря на существенные ограничения, показатель генерализованного доверия все же может быть использован в сравнительных межстрановых исследованиях доверия. В Китае его применение особенно проблематично, но если его дополнить показателем радиуса доверия, то получается более реальная картина отношений доверия/недоверия в обществе. Однако нам представляется, что в ответах на вопрос о доверии большинству людей переход от дихотомической шкалы к шкале Ликерта или более дробной балльной шкале был бы предпочтительнее. По своей природе показатели генерализованного и институционализированного доверия тесно связаны, их тоже следует использовать комплексно в сравнительных исследованиях.

В Китае высок уровень как генерализованного, так и институционализированного доверия, что определяется специфической культурой доверия данной страны. А радиус доверия узкий, и показатели внешнего доверия крайне низкие. В России показатель генерализованного доверия низкий, но уровень институционального доверия средний европейский, при этом более широк радиус доверия и более высок показатель внешнего доверия. Партикуляризированное доверие примерно одинаково в Китае и России, по крайней мере, никакой особой «семейной культуры доверия» мы не выявили. В православной культуре России, в отличие от конфуцианской культуры Китая, доверие никогда не было высшей ценностью, не считалось особой добродетелью в отличие от веры;

именно эти положения, как нам кажется, объясняют низкий уровень доверия в России в сравнении с Китаем. Россия на карте доверия очень точно попадает в группу восточно-европейских постсоциалистических стран, а Китай стоит особняком, уникальный в своей культуре доверия, и ни в какую группу стран не попадает. Однако в XXI столетии доверие перемещается в цифровой мир, возникает феномен «цифрового доверия», где объектом доверия становятся люди в социальных сетях, сама цифровая технология, «цифровое государство» [Веселов, 2023]. Методология и методика сравнения цифрового доверия иная, она требует дополнительного изучения со стороны социологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Доверие в цифровом мире / Под ред. Ю.В. Веселова. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Иванов А.В., Данилов С.А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11. С. 1852–1859.
- Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // *Социальная реальность*, 2006. № 4. С. 7–24.
- Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В. Культура доверия и недоверия гражданского общества // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / Под ред. М.С. Рождественской. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 5–25.
- Латов Ю.В. Каков социальный капитал современной России (сравнительный анализ межличностного и институционального доверия) // “Леонтьевские чтения” (электронный журнал). 2010. № 7. С. 70–79. URL: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/leontief/2010/Latov.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
- Нозль-Нойман Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии. М.: Прогресс, 1978.
- Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2018. Т. 11. № 4. С. 464–486.
- Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // *Социологические исследования*. 2008. № 2. С. 17–25.
- Рыжова С.В. Доверие и этнические установки как элементы регионального социального капитала // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2. С. 81–98.
- Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения / Под ред. М.К. Горшкова, Ли Пэйлиня и др. М.: Новый хронограф, 2018.
- Bauer P.C. Negative Experiences and Trust: A Causal Analysis of the Effects of Victimization on Generalized Trust // *European Sociological Review*. 2015. No. 1(31). P. 397–417.
- Bauer P.C., Freitag M. Measuring Trust // *The Oxford Handbook of Social and Political*. Ed by. Uslaner E. Oxford: Oxford Editors, 2018. P. 15–36.
- Delhey J., Welzel Ch., Kenneth N. How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem // *American Sociological Review*. No. 5(76). P. 786–807.
- Fukuyama F. Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. 2001. No. 1(22). P. 7–20.
- Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. L.: Hamish Hamilton, 1995.
- Hu A. Radius of Trust: Gradient-Based Conceptualization and Measurement // *Social Science Research*. 2017. Vol. 68. P. 147–162. DOI:10.1016/j.ssresearch.2017.08.004.
- Knack S., Keefer Ph. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. No. 4(112). P. 1251–1288.
- Li W., Liang Y. Particularized Trust and Generalized Trust: The Structure and Nature of Chinese People’s Trust (in Chinese) // *Shehuixueanjiu (Sociological Research)*. 2002. No. 2. P. 11–22.
- Lundmark S., Gilljam M., Dahlberg S. Measuring Generalized Trust: An Examination of Question Wording and the Number of Scale Points // *Public Opinion Quarterly*. 2016. No. 1 (80). P. 26–43. DOI:10.1093/poq/nfv042.
- Ozono H. The Mystery of the Difference in the Level of General Trust in China and Japan // *PSYCHOLOGIA*. 2018. No. 2(61). P. 89–103.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Sasaki M. Parental Socialization and Experience of Betrayal: A Cross-National Analysis of Trust // *Trust in Society, Business and Organization* / Ed. by N.I. Dryalkhlow et al. M.: Cogito-Centre-ISRAS Publishing House. P. 9–31.
- Schrader H. *Trust and Social Transformation: Theoretical Approaches and Empirical Findings from Russia (Gesellschaftliche Transformationen/Societal Transformations)*. Munchen: LIT Verlag, 2004.

- Steinhardt C. How Is High Trust in China Possible? Comparing the Origins of Generalized Trust in Three Chinese Societies // *Political Studies*. 2012. No. 60 (2). P. 434–454. DOI:10.1111/j.1467-9248.2011.00909.x.
- Uslaner E. Corruption, Inequality, and Trust // *The Handbook on Social Capital / Ed. by G. T. Svendsen, G.L.H. Svendsen*. London: Edward Elgar, 2009. P. 127–143.
- Uslaner E. Measuring Generalized Trust: In Defense of the ‘Standard’ Question // *Handbook of Research Methods on Trust / Ed. by F. Lyon, G. Möllering, M. Saunders*. L.: Edward Elgar, 2012. P. 72–82.
- Uslaner E. *The Moral Foundations of Trust*. N. Y., NY: Cambridge University Press, 2002.
- Yang G., Zeng S. The Comparison of Trust Structure between Urban and Rural Residents in China // *American Journal of Industrial and Business Management*. 2016. No. 6. P. 665–673.

Статья поступила: 29.01.24. Финальная версия: 11.03.24. Принята к публикации: 28.03.24.

METHODOLOGY OF THE COMPARATIVE SOCIOLOGY OF TRUST (CASE STUDY OF RUSSIA AND CHINA)

JIN Junkai*, VESELOV Y.V.***, SKVORTSOV N.G.**

*Shanxi University, China; **St. Petersburg State University, Russia

Junkai Jin, *Cand. Sci. (Sociol.), Associated Prof., Shanxi University, Taiyuan, China* (jjk@sxu.edu.cn); Yuri V. VESELOV, *Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (y.veselov@spbu.ru)*; Nikolay G. SKVORTSOV, *Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Dean of the Faculty of Sociology (n.skvortsov@spbu.ru)*. Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The article deals with the methodological issues of the comparative sociology of trust. In order to compare the level of trust in different countries a set of indicators is proposed (generalized trust; particularized trust; trust radius; institutional trust). The problems of measuring generalized and institutional trust in China and Russia are revealed. Based on World Values Survey data, a comparative analysis of trust levels in the Russian Federation and China is carried out. The authors also present data from their own empirical study of trust (telephone survey of the population in St. Petersburg and Leningradskaya Oblast; Internet study of trust, in-depth interviews of both residents of the Russian Federation and the People’s Republic of China). To explain the processes of transformation of trust in the Russian Federation and China, a modernization approach is used and the role of a culture of trust is revealed. China has a high level of both generalized and institutionalized trust based on its own specific culture of trust. But the radius of trust is narrow and indicators of out-group trust are extremely low. In Russia, the level of generalized trust is low, but the level of institutional trust is average, radius of trust is wider and the level of out-group trust is higher. Particularized trust is approximately the same in China and Russia; at least, we have not identified any special “familistic culture of trust”.

Keywords: trust, social trust, measurement of trust, generalized and particularized trust, institutional trust, culture of trust.

REFERENCES

- Bauer P.C. (2015) Negative Experiences and Trust: A Causal Analysis of the Effects of Victimization on Generalized Trust. *European Sociological Review*. No. 4(31): 397–417.
- Bauer P.C., Freitag M. (2018) Measuring Trust. In: Uslaner E. ed. *The Oxford Handbook of Social and Political*. Oxford: Oxford Editors: 15–36.
- Delhey J., Welzel Ch., Kenneth N. (2011) How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. No. 5(76): 786–807.
- Durkheim E. (1995) *Sociology. Its Subject Matter, Method, Mission*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1995) *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. London: Hamish Hamilton.
- Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. No. 1(22): 7–20.
- Hu A. (2017) Radius of Trust: Gradient-Based Conceptualization and Measurement. *Social Science Research*. Vol. 68: 147–162. DOI:10.1016/j.ssresearch.2017.08.004.
- Ivanov A.V., Danilov S.A. (2014) Social Trust and Institutional Order in Socio-Cultural Context of Western and Eastern Cultures: Comparative Analysis. *Fundamentalnye issledovaniya* [Basic Researches]. No. 11: 1852–1859. (In Russ.)
- Kertman G.L. (2006) Interpersonal Trust in Russia. *Socialnaya Realnost* [Social Reality]. No. 4: 7–24. (In Russ.)

- Knack S., Keefer Ph. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 4(112): 1251–1288.
- Kupreichenko A.B., Mersianova I.V. (2013) Culture of Trust and Distrust of the Civil Society. In: Rozhdestvenskaya M.S. (ed.) *Trust and Distrust in the Context of the Development of the Civil Society*. Moscow: NIU VSHE: 5–25. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2010) What is the Social Capital of Contemporary Russia (Comparative Analysis of the Interpersonal and Institutional Trust. "Leontieff's Readings" (Electronic Journal). No. 7. URL: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/leontief/2010/Latov.pdf> (In Russ.)
- Li W., Liang Y. (2002) Particularized Trust and Generalized Trust: The Structure and Nature of Chinese People's Trust. *Shehui Xue Yanjiu* (Sociological Research). No. 2: 11–22. (In Chinese)
- Lundmark S., Gilljam M., Dahlberg S. (2016) Measuring Generalized Trust: An Examination of Question Wording and the Number of Scale Points. *Public Opinion Quarterly*. No. 1 (80): 26–43. <https://doi.org/10.1093/poq/nfv042>.
- Middle Income Groups in Russia and China: Status, Dynamics and Attitudes*. (2018) Ed by M.K. Gorshkov, Li Peilin et al. Moscow: Novyy Chronograph. (In Russ.)
- Noelle-Neumann E. (1978) *Polls in the mass society: Introduction to the methods of demoscropy*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Ozono H. (2018) The Mystery of the Difference in the Level of General Trust in China and Japan. *PSYCHOLOGIA*. Vol. 61. No. 2: 89–103.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Romahkina G.F., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V. (2018) Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik SPbGU. Sociologiya* [Herald of St. Petersburg University. Sociology]. Vol. 11. No. 4: 464–486. DOI:10.21638/spbu12.2018.406. (In Russ.)
- Rykavishnikov V.O. (2008) Interpersonal Trust and Cross-Country comparisons. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 17–25 (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2019) Trust and Ethnic Predispositions as An Elements of the Regional Social Capital. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya practica* [Sociological Science and Social Practice]. No. 2(7): 81–98. (In Russ.)
- Sasaki M. (2013) Parental Socialization and Experience of Betrayal: A Cross-National Analysis of Trust. In: *Trust in Society, Business and Organization*. Ed. by N.I. Dryalkhlow et al. Moscow: Cogito-Centre-ISRAS Publishing House: 9–31.
- Schrader H. (2004) *Trust and Social Transformation: Theoretical Approaches and Empirical Findings from Russia (Gesellschaftliche Transformationen/Societal Transformations)*. Munchen: LIT Verlag.
- Steinhardt C. (2012) How Is High Trust in China Possible? Comparing the Origins of Generalized Trust in Three Chinese Societies. *Political Studies*. No. 60(2): 434–454. DOI:10.1111/j.1467-9248.2011.00909.x
- Trust in the Digital World*. (2023) Ed. by Yu. Veselov. Moscow: IPR Media. (In Russ.)
- Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Uslaner E. (2009) Corruption, Inequality, and Trust. In: *The Handbook on Social Capital*. Ed. by G.T. Svendsen, G.L.H. Svendsen. London: Edward Elgar: 127–143.
- Uslaner E. (2012) Measuring Generalized Trust: In Defense of the 'Standard' Question. In: *Handbook of Research Methods on Trust*. Ed. by F. Lyon, G. Möllering, M. Saunders. London: Edward Elgar: 72–82.
- Yang G., Zeng S. (2016) The Comparison of Trust Structure between Urban and Rural Residents in China. *American Journal of Industrial and Business Management*. No. 6: 665–673.

Received: 29.01.24. Final version: 11.03.24. Accepted: 28.03.24.